

В. Д. РАК

ДОСТОЕВСКИЙ И САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В 1876 г.

В то время, когда на страницах «Отечественных записок» печатался «Подросток» (1875. № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12), редакция не раз, наверное, обсуждала, что принесло журналу участие в нем Достоевского и следует ли поддерживать сложившиеся связи, после того как завершится публикация романа. С одной стороны, сотрудничество, несмотря на диаметрально противоположность коренных идеологических концепций, протекало довольно гладко. Журнал и писатель нашли область общих интересов, где их точки зрения и трактовки сближались или по крайней мере не сталкивались в остром полемическом конфликте. С другой стороны, хотя Достоевскому давали понять, что им, как он писал жене 9 февраля 1875 г., «в „Отечественных> записках“ дорожат чрезмерно», а Некрасов лично показывал, что «хочет начать совсем дружеские отношения» (29₂, 13), редакцию, по-видимому, не оставляла вполне та настороженность, с которой она приступала к печатанию «Подростка».¹ Уже в июне 1875 г. Салтыков-Щедрин писал, например, Некрасову, что «роман Дост<оевского> просто сумасшедший».²

Если и существовали, как есть основания полагать, сомнения в целесообразности дальнейшего привлечения Достоевского, возобладала в конечном счете все же те соображения, руководствуясь которыми демократический журнал в лице Некрасова первый в апреле 1874 г. сделал шаг навстречу автору «Бесов» и недавнему редактору «Гражданина»: участие в «Отечественных записках» отрывало его от Каткова и создавало условия, в которых могли измениться к лучшему отношения между «одним из талантливейших беллетристов» (Н. К. Михайловский) и прогрессивной Россией. Достоевскому

¹ В комментарии к «Подростку» справедливо отмечается, что, «печатая роман Достоевского, руководители „Отечественных записок“ испытывали противоречивые чувства. Они были рады видеть на страницах журнала произведение одного из крупнейших современных писателей, но вместе с тем боялись упреков в отходе журнала от его направления» (17, 346).

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965—1977. Т. 18, кн. 2. С. 135.

было сделано предложение написать для «Отечественных записок» повесть. Оно было принято, и по распоряжению Некрасова за будущее произведение, о котором была достигнута устная договоренность, 12 июня 1876 г. был выплачен аванс 1000 р.³

Согласие далось, наверное, Достоевскому не без внутренней борьбы и сильных колебаний. Отношением к себе в «Отечественных записках» он в целом был удовлетворен. Не оправдались высказанные в письме к жене от 20 декабря 1874 г. тревожные предчувствия, что Некрасов может его «стеснить, если будет что-нибудь против их направления» (29₁, 370). Редакция ни разу ни по идеологическим, ни по каким-либо иным причинам не покусилась на текст «Подростка». Некрасов, правда, высказал ряд замечаний о восьмой главе первой части, но Достоевский, перечитав ее в корректуре, согласился с ним полностью (29₂, 13). Денежные расчеты улаживались легко; Некрасов, производивший выплаты, был очень покладист и предупредителен. Однако внешняя идиллия не рассеяла всех опасений и неприятных мыслей, с которыми оказался для писателя сопряженным приход в «Отечественные записки». Одна из них, волновавшая его тогда, когда он давал окончательное согласие Некрасову, и сильно его мучившая в феврале 1875 г., сразу после выхода первой книжки, содержавшей начало «Подростка», продолжала его беспокоить даже в начале следующего.

Февральская переписка 1875 г. Достоевского с женой обнаруживает, что в те дни он пребывал в состоянии мнительного ожидания лавины гневных обвинений в измене своему направлению. Первыми, казалось ему, должны были обрушиться на него с упреками А. Н. Майков и Н. Н. Страхов. Сжавшись внутренне наподобие пружины, готовый ринуться в споры и с пеной у рта защищать правомерность своего шага, он в самом их уклонении от обсуждения романа видел то щадящее умолчание, то двуличие. Ему представлялось, что за спиной у него распространяются сплетни и гуляют пересуды, источником которых, по его мнению, был Майков (29₂, 9, 12, 15—17, 197—198). Анна Григорьевна разделяла настроения мужа.⁴

Сразу после Нового года (1876) Достоевский набрасывал в писной тетради негодующий ответ на биографическую статью о нем в незадолго до того вышедшем очередном выпуске «Русско-

³ *Архипова А. В.* Достоевский и «Отечественные записки» в 1876 году // Русская литература. 1985. № 2. С. 176—177. Переработанный и дополненный вариант статьи см.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7. С. 203—207.

⁴ *Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.* Переписка / Изд. подгот. С. В. Белов, В. А. Туниманов. М., 1979. С. 144—145, 148, 151, 153, 155. Страхов и Майков действительно высказывали свое недовольство, особенно первый, с которым у Достоевского началось с этого времени охлаждение отношений.

го энциклопедического словаря, издаваемого профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным». Его оскорбили тенденциозные, односторонне-отрицательные оценки его романов, а также утверждение, что «еще больше уронил он себя на поприще фельетониста и публициста, несродном его дарованию, приняв на себя редакцию газеты „Русский мир“ <!>».⁵ Ретроспективно пробогая в мыслях этот эпизод своей деятельности на ниве журналистики, он не нашел в своих действиях и публицистических выступлениях ничего, чего бы ему следовало стыдиться: «Чем я уронил себя. Я был год редактором „Гражданина“ и, приняв журнал с 1000 подписчиков, через год оставил его с тремя тысячами. Вот уже признак, что не уронил себя в публике. А если хотите в чем уличить меня, то пусть найдут хоть строчку, подписанную мной, неблагородную» (24, 106). Почему же в таком случае он ушел из «Гражданина» в «Отечественные записки», порвал с князем Мещерским и сотрудничает с Некрасовым? Разве не есть это молчаливое признание своих недавних ошибок и декларация намерений их искупить? Предвидя эти коварные вопросы-ловушки, Достоевский в мысленном споре с оппонентом поспешил их предупредить. Нет, он не изменил своему направлению, не пересмотрел своих убеждений. Сотрудничество в «Отечественных записках» стало возможным лишь потому, что враждебная прежде ему редакция сама искала с ним сближения и с радостью приняла его таким, каков он был и есть: «А почему вы знаете мое направление (не я пришел, а «Отечественные записки» взяли моего духу). <...> Не Федора Достоевского вам упрекать в перемене убеждений» (Там же).

Оправдательно-объяснительный аргумент «не я пришел» звучит и в первом, январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., только там он был несколько завуалирован: «Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для „Отечественных записок“...» (22, 7).⁶

⁵ Русский энциклопедический словарь... СПб., 1874. Отд. 2. Т. 1: Д—Ж. С. 475. «Русский мир» назван по ошибке вместо «Гражданина».

⁶ Писательница В. В. Тимофеева (псевдоним — О. Починковская), работавшая корректором в типографии, где печатался «Гражданин», рассказала в своих воспоминаниях, что Достоевский весной 1874 г., тяготясь уже своим редакторством, просил ее узнать в «Отечественных записках» (где она имела знакомых), не примет ли журнал его новый роман, над которым он начал работать. На ее вопрос Г. З. Елисеев якобы ответил: «Пусть, пусть присылает. Место для него у нас всегда найдется» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 177—178). Не сомневаясь в истинности сообщения В. В. Тимофеевой, комментатор ее записок поставил в связь с этим зондированием визит к Достоевскому Некрасова в апреле 1874 г. и предложение отдать роман в «Отечественные записки» (Там же. С. 448). Доверяют этому свидетельству и некоторые другие литературоведы (например: Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. 2-е изд., доп. М., 1971. С. 429). Однако

Итак, в те дни, когда Достоевскому было сделано предложение на будущее, он держал в уме доводы и «за», и «против». В том, что верх одержали первые, немалую роль наряду с идейно-творческими соображениями сыграли, без сомнения, дружелюбие Некрасова и его готовность дать аванс, воспринятые, нужно думать, с особой признательностью на фоне обиды, нанесенной годом ранее М. Н. Катковым отказом заплатить вперед 2000 р. за предлагаемый ему «Подросток» и публикацией на очень выгодных материальных условиях толстовской «Анны Карениной».

В условиях, когда все мысли Достоевского были заняты очередным, июльско-августовским выпуском «Дневника писателя», работа над повестью для «Отечественных записок» не заладилась и данное обещание висело тяжким грузом. «Много думаю (с тоской и мукой) об окончании года, о „Дневнике“ и обязательстве Некрасову. Ужасно, ужасно!» — писал Достоевский жене 18 (30) июля 1876 г. из Эмса (29₂, 104). Первые отрывочные заготовки, помеченные «В повесть Некрасову» и «Некрасову» и находящиеся «среди подготовительных записей к июльско-августовскому и сентябрьскому выпускам „Дневника писателя“», были внесены в рабочую тетрадь, согласно неопределенной датировке по этому их положению, «приблизительно летом 1876 г.» (17, 440),⁷ вероятнее всего — в августе. Это была фраза, определяющая одну из черт «современного человека» («И мстит за все обиды, которых ему никто не сделал и не думает делать») и обрывок реплики, у которой, судя по последним словам, в голове писателя держалось продолжение («Я-то дурак, да и родом так, а вы ... и т. д.»). Назначение этих заметок обозначено слева на полях, и сделаны эти приписки были, очень вероятно, позд-

Л. П. Гроссман показал, что рассказ корректора опровергается как ответом Достоевского Некрасову, что порядочность обязывает его сперва предложить роман «Русскому вестнику», так и медлительностью и колебаниями, проявленными в принятии окончательного решения после отказа Каткова (*Гроссман Л. П. Достоевский*. 2-е изд., испр. и доп. М., 1965. С. 480—481). С этой аргументацией согласились и авторы комментария в академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (Т. 17), где сообщение Тимофеевой даже не упоминается. Автор данной заметки также разделяет мнение о недостоверности этого рассказа. Но даже если в воспоминаниях нет ошибки и Достоевский лукавил, скрывая от читателей, что инициатива установления отношений исходила от него самого, выводы о его позиции в конце 1875—1876 г. не меняются.

⁷ В Полном собрании сочинений эти заметки напечатаны дважды: выделенные из тетради и помещенные среди «Набросков и планов 1874—1879» (17, 10) и в составе тетради, но с переносом (вместе с соседними записями) с занимаемого в ней места в конец августовских страниц (24, 242). Реальное положение они занимают в первой публикации записной тетради 1876—1877 гг. (Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. М., 1971. С. 623 (подготовка текста Л. М. Розенблюм; фототипическое воспроизведение — С. 627) (Литературное наследство. Т. 83)).

нее, при ретроспективном просмотре страницы, когда ставились пометы, римские цифры и словесные, и при других записях. Возникли же эти два наброска, вполне может быть, независимо от мыслей о будущей повести и даже (есть основания предполагать) друг от друга. Если таким действительно было их происхождение, то эта их «привязка» к обещанному «Отечественным запискам» произведению явилась плодом недолговременного к нему оживления творческого внимания, которое могло разбудить пришедшее от журнала напоминание.

29 августа 1876 г., на следующий день после возвращения Достоевского из Старой Руссы в Петербург, к нему обратился его давний друг поэт А. Н. Плещеев: «Редакция „Отечественных записок>” поручила мне спросить тебя, может ли она рассчитывать на получение от тебя чего-нибудь, так как ты ей, кажется, обещал; и когда именно ты намерен дать. Пожалуйста, извести. <...> Здесь Салтыков, адрес которого сообщая тебе на случай, если б ты нашел нужным видеть его для каких-либо переговоров. <...> В редакции по-прежнему: Понедельники, от 1—3».⁸ В портфеле «Отечественных записок» было в то время, как признался Плещеев, «по беллетристике мало материалу»,⁹ и когда в конце августа перед отъездом Некрасова на длительный срок в редакции, по-видимому, обсуждались планы на месяцы его отсутствия, он мог среди деловых распоряжений дать указание или совет связаться с Достоевским.

Не случайно, по всей вероятности, написать письмо было поручено Плещееву, а не Салтыкову-Щедрину, хотя именно последнему это более бы подобало, так как он заведовал художественным отделом. Редакция понимала, разумеется, что любое случайное раздражение или недоразумение может побудить Достоевского взять свое обещание назад и вообще навсегда отдалить его от нее. Самое целесообразное поэтому было «подставлять» ему лиц, в общении с которыми подобная опасность была бы минимальной. С Плещеевым его связывала давняя дружба; в 60-е—начале 70-х гг. она была, правда, омрачена идейными разногласиями, но оказалась прочной и не дала им перейти в неприязнь.¹⁰ В отношениях же со Щедриным оставался, можно думать, вежливый холодок — следствие ожесточенной журнальной полемики 1863—1864 гг. и позднейших ее отголосков.¹¹ Лед отчуждения был, конечно, сломан.

⁸ Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 267.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 252—255.

¹¹ Об отношениях Достоевского и Салтыкова-Щедрина см.: *Борщевский* З. С. Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М., 1956; *Туниманов* В. А. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856—1863) // Достоевский.

Достоевский писал жене 12 февраля 1875 г., что очень хочет возобновить знакомство с Салтыковым и с этой целью в ближайшую субботу (т. е. 15 февраля) поедет к нему с Некрасовым (29₂, 18). Однако вскоре после этого Щедрин держался уже невысокого мнения о «Подростке», а Достоевский, как показывает записная тетрадь, собирался в первом номере «Дневника писателя» полемизировать с рассказом «Непочтительный Коронат» (24, 74, 75, 79, 88, 92, 108).¹²

Письмо Плещеева нельзя было оставить без ответа, и Достоевскому необходимо было, как от него, судя по прозрачному намеку Плещеева, ожидали в редакции, искать личной встречи с сатириком.

Они действительно встречались, о чем упоминается в октябрьском и декабрьском выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. (23, 144; 24, 51). О предмете беседы известно не более того малого, что рассказано в нескольких строках «Дневника», а дата этого события, названная в комментарии к октябрьскому выпуску, но не получившая там обоснования,¹³ была оставлена без внимания составителями «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», как, впрочем, даже сам факт встречи и другие ее датировки.¹⁴

Между тем по этому вопросу накопились соображения, уточняющие и несколько меняющие прежние выводы.

На одной из страниц записной тетради, заполненных материалами к сентябрьскому номеру «Дневника», читаем:

[1] «Нет семьи, — говорит Щедрин» (24, 250).¹⁵

Положение этой фразы говорит о том, что она появилась при последовательном заполнении страницы, т. е. не могла быть записана ранее ей предшествующих или вставлена после того, как были внесены строки, находящиеся относительно нее ниже. Две более поздние (т. е. расположенные ниже) заметки связаны с содержанием прочитанных Достоевским газет. Первая относится к статье

Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 92—113 (То же // Туниманов В. А. Творчество Достоевского, 1854—1862. Л., 1980. С. 225—245).

¹² См.: *Борщевский* З. С. Щедрин и Достоевский. С. 288—290.

¹³ «Встреча Достоевского с Салтыковым-Щедриным состоялась в октябре (вероятно, до 20-го числа) 1876 г.» (23, 406). Комментатор (он же — автор данной заметки) предупредил о том, что аргументация последует в статье, публикуемой в 13-м выпуске альманаха «Прометей». Однако это издание не увидело свет, и обещание осталось невыполненным.

¹⁴ Ранее исследователи называли «осень 1876 г.» (*Борщевский* З. С. Щедрин и Достоевский. С. 299) и — что одно и то же и столь же неопределенно — «сентябрь или октябрь 1876 г.» (Неизданный Достоевский. С. 646; коммент. И. З. Сермана).

¹⁵ Цифры в квадратных скобках при цитатах вводятся для удобства дальнейших справок по ходу изложения. Автор благодарит Т. И. Орнатскую и И. Д. Якубович за их советы по уточнению расположения записей.

Б. М. Маркевича «Листок», напечатанной под псевдонимом Макс в «Голосе» от 12 сентября (№ 252):

[2] «Макс. Цитует слова Марлинского (бессмысленные) об историческом выстреле и восхищается ими» (24, 251).¹⁶

Под этим идет:

[3] «Марков. „Голос“, № 249, сентября 9. „ИДЕЯ И ЦИФРЫ“» (Там же).¹⁷

Обратно-хронологическая последовательность — явный признак того, что вторая запись была ретроспективной. Действительно, Маркевич в своем фельетоне ссылается на статью Маркова. Совершенно очевидно, что Достоевский выписал для справки полные данные о ней при чтении «Листка». Исходя из этого, ориентиром для датировки фразы Щедрина нужно принять запись № [2]. Если она была сделана в день выхода газеты, то слова сатирика, ей хронологически предшествующие, *не могли быть занесены в тетрадь после 12 сентября*. Но если она появилась позже (а возможности этого нельзя не принимать во внимание),¹⁸ то датировка осложняется. В связи с этим необходимо уточнить хронологию соседних страниц рукописи (фраза Щедрина и заметка о «Листке» Маркевича с выпиской о статье Маркова находятся на 90-й).¹⁹

Листы, заполненные в сентябре, начинаются с 88-й страницы, на которой точками отсчета могут служить следующие записи:

[4] «„Вестник Европы“. С иронией о провозглашаемой нашей зрелости» (24, 249). Журнал вышел 1 сентября.

[5] «Письма: приищите работу, уроки» (Там же). Соответствующие письма к Достоевскому датированы 3 и 6 сентября (24, 480).

[6] «„Голос“ и пропunciamento» (24, 249). Имеется в виду номер газеты за 7 сентября.

[7] «Разочарование. Марк<ов>. „Вест<ник> Европы“» (Там же). Не ранее 9 сентября (ср. [3]).

[8] «Молодые люди просят работы» (24, 248).²⁰

¹⁶ Разъяснение смысла записей и указание их источников прерывало бы нить изложения и значительно увеличило бы статью за счет сведений, не имеющих непосредственного отношения к ее предмету, поэтому за справками отсылаем любознательного читателя к нашему комментарию к этой тетради в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (т. 24).

¹⁷ Написано крупными буквами, выделяющими запись на общем фоне страницы.

¹⁸ На одном листе у Достоевского часто находились записи разного времени, а записи одного дня соответственно могли расходиться по разным листам.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 16. Номера страниц указаны в опубликованном тексте тетради (т. 24).

²⁰ Записи № [4]—[8] приведены в той последовательности, в какой они, по данным палеографического анализа страницы, заносились в тетрадь. Их расположение на странице: № [7], [8], [6], [4], [5]. № [7] и № [8] — пункты наброска

Ориентиры на 89-й странице рукописи:

[9] «Молодые люди, работы» (24, 249). Очевидно, ретроспективная запись; точно не датируется, но, по всей видимости, не ранее 6 сентября.

[10] «О пьянствующих офицерах в Белграде и через два дня умирающих (фельетоны Висковатова)» (24, 250). Первый фельетон был напечатан 6 сентября, второй — 11 сентября.

[11] «Статьи Маркова, „Вестника Европы“, „Голоса“, № 252, 12-го сент<ября>» (Там же).

[12] «Обратная минута, минута сомнений. Пьяные офицеры (Суворин, Висковатов). Поднялась ли Россия или нет? («Голос», 12 сентября, о Немировиче-Данченко). Статьи высшие: Маркова и „Вестника Европы“» (Там же).²¹

На рассмотренных трех страницах варьируются одинаковые записи — и это, безусловно, служит признаком их хронологической близости. Обнаружив в газете интересный для себя материал, Достоевский начинает его осмысливать и прикидывает, как его подать в очередном выпуске «Дневника». Некоторые заметки появились при первом чтении соответствующего номера газеты или письма; другие на ту же тему — позже, причем в этом случае можно проследить, как постепенно складывается, уточняется и расширяется план рассуждения (например, № [4], [7], [11]—[12]). С этой точки зрения, № [2]—[3] представляют, вполне возможно, даже более раннюю стадию работы, чем № [10]—[11].

Для наших целей особенно важны два обстоятельства: во-первых, на этих страницах нет ни одной записи, которую можно было бы определенно датировать позже 12 сентября; во-вторых, все записи отрывочные, отражающие начальный этап подбора материала.

13 сентября Достоевский, читая «Новое время» за это число, положил перед собой чистую страницу (в тетради она 96-я), на которой наверху в качестве заголовка вывел дату. Сделав под нею несколько заметок по содержанию газеты, он записал:

[13] «„Голос“, 12 сент<ября> — сомнения и проч. „Вестник Европы“» (24, 255).

Слова «сомнения и проч.» — это, безусловно, сигнал, которого достаточно, чтобы в уме восстановить уже сложившееся рассуждение. Следовательно, пункт плана к этому моменту четко оформился, а потому № [13] мог возникнуть только позже № [12], где ход мысли детализирован, потому что он еще нащупывался.

Далее начинаются наброски ответа «Вестнику Европы», они продолжают и в двадцатых числах, перемежаются с выписками из

первоначального плана, приписанного на верхнем поле страницы, после того, очевидно, как она была вся заполнена, но до 12 сентября (№ [7] представляет более раннюю стадию работы по сравнению с № [11] и № [12]).

²¹ Страница заполнялась подряд, но, по-видимому, в разные дни.

очередных газет, разрастаются в некоторых случаях в большие и законченные фрагменты, получившие развитие в окончательном тексте сентябрьского выпуска. В ходе этой подготовительной работы «Листок» Маркевича забывается, не фигурирует он и в «Дневнике» ни в каком виде. Вряд ли поэтому Достоевский стал бы эту статью перечитывать; не нужна ему была цитата из Марлинского, не нужно было и напоминание о статье Маркова.

Подведем итоги: № [13] появился 13 сентября; № [12] и предшествовавшие ему № [2]—[3] — накануне; а № [1] — еще ранее.

Достоевский оставил недвусмысленные указания, что заинтересовавшую его фразу он услышал от Щедрина в личной беседе. В декабре он записывает в тетради: «„У нас нет семьи“, — вспомнились мне слова одного из наших талантливейших сатириков, сказавшего мне это» (24, 311; курсив мой. — В. Р.). Это же повторено в декабрьском выпуске «Дневника писателя»: «„Да семейства у нас вовсе нет“, — заметил мне недавно, возражая мне, один из наших талантливейших писателей» (24, 51; курсив мой. — В. Р.). Итак, встреча между писателями состоялась между 1 и 11 сентября.²²

Получив письмо Плещеева, Достоевский, как теперь можно считать установленным, вскоре отправился к Салтыкову-Щедрину — для того, разумеется, чтобы подтвердить свое обязательство (отказ можно было послать по почте!) и, возможно, обсудить в связи с этим свои творческие наметки. Содержание беседы никогда не станет нам известно в подробностях, но замечание Щедрина о семье наводит на мысль, что разговор шел о давно задуманном Достоевским романе «Отцы и дети», замысел которого был в самых общих чертах рассказан еще в январском номере «Дневника» (22, 7—8) и к которому 12—13 марта 1876 г. был сделан в тетради ряд подготовительных записей (17, 6—8, 430—435).

Если бы можно было убедиться, что встреча состоялась в редакции, то по указанию в письме Плещеева приемных дней ее можно было бы датировать абсолютно точно — 6 сентября.²³ Но не только нет такой уверенности, а, напротив, существует один, правда шаткий, аргумент в пользу предположения, что Достоевский пришел к Щедрину домой. В самом конце тетради есть заметка: «Семейства нет. Щедрин, ласкающий ребенка» (24, 314). У Щедрина в то время было двое малолетних детей: сын Константин (род. 1872 г.) и дочь

²² Оснований для более точной датировки не обнаружилось. Правда, ниже на странице, непосредственно перед заметкой о статье Макса, есть замечание, связанное с № [7]: «Наша глупость всегда скажется. (Краевск<ий>о rronunciamento)» (24, 251), но оно записано, возможно, ретроспективно. Поэтому не представляется возможным заключить, что фраза Щедрина была записана не позднее 7 сентября, хотя вероятность этой даты нельзя не учитывать.

²³ Эта запись идеально бы согласовывалась с записью, о которой идет речь выше.

Елизавета (род. 1873 г.). Именно на квартире Достоевский мог бы наблюдать проявления отеческой нежности, которые должны были бы, конечно, поразить его контрастом рассуждениям хозяина.²⁴

О встрече с Салтыковым-Щедриным Достоевский говорит в «Дневнике» дважды. Логика исследования потребовала привести первой более позднюю, декабрьскую цитату. Теперь пришло время проанализировать то, что рассказано в главке «Два самоубийства» октябрьского номера.

«Недавно как-то мне случилось говорить с одним из наших писателей (большим художником) о комизме в жизни, о трудности определить явление, назвать его настоящим словом. Я именно заметил ему перед этим, что я, чуть не сорок лет знающий „Горе от ума“, *только в этом году* понял как следует один из самых ярких типов этой комедии, Молчалина, и *понял именно, когда он же, то есть этот самый писатель, с которым я говорил, разъяснил мне Молчалина, вдруг выведя его в одном из своих сатирических очерков.* (Об Молчалине я еще когда-нибудь поговорю, тема знатная.)

— А знаете ли вы, — вдруг сказал мне мой собеседник, видимо давно уже и глубоко пораженный своей идеей, — знаете ли, что, что бы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении, — никогда вы не сравняетесь с действительностью. <...>

Это я знал еще с 46-го года, когда начал писать <...>» (23, 144; курсив мой. — В. Р.).

Перенесенный в 70-е гг., грибоедовский Молчалин стал центральным персонажем сатирического цикла Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности».²⁵ Первые три очерка появились в «Отечественных записках» осенью 1874 г. (№ 9—11), и можно не сомневаться, что Достоевский их прочитывал сразу по выходе соответствующих номеров журнала. Эпизод из третьего очерка, относящийся к Чацкому, он мимоходом упомянул в главке «Детские секреты» июльско-августовского «Дневника писателя» за 1876 г. (23, 92). Четвертый очерк, в котором выведен Молчалин 2-й — издатель либеральной газеты «Чего изволите?», был напечатан после большого перерыва в сентябре 1876 г. Маловероятно, чтобы выделенные в цитате курсивом слова относились к произведениям двух-

²⁴ В. А. Туниманов видел в этой записи «контаминацию мотивов и сюжетов произведений Щедрина разных лет»; в частности, по его мнению, она имеет в виду автобиографическое признание Щедрина в рассказе «Добрая душа» (1869): «Я не могу пройти мимо маленького ребенка без того, чтоб не погладить его по головке или не дать ему пряничка» (см.: Туниманов В. А. Творчество Достоевского, 1854—1862. С. 235; Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 7. С. 354).

²⁵ Позднее это заглавие было дано сборнику (М., 1878), в котором цикл получил название «Господа Молчалины».

летней давности. В самом деле, давно прочитанные и продуманные очерки вряд ли могли совершенно неожиданно в 1876 г. произвести столь яркое впечатление, чтобы Достоевский, как он пишет, совершенно по-новому понял Молчалина. Такого воздействия следовало бы ожидать от последнего, только что увидевшего свет очерка. Однако обсуждать его с автором во время сентябрьской встречи Достоевский не мог, так как в том месяце «Отечественные записки» были выпущены 20-го или 21-го числа.²⁶ Иначе говоря, если в «Дневнике писателя» речь идет о Молчалине 2-м, то Щедрин и Достоевский виделись еще раз, причем ранее конца октября, когда были написаны процитированные строки.

Безусловной уверенности в этом быть не может, однако для существования этого предположения есть ряд оснований.

Последняя декада сентября прошла у Достоевского, как обычно в 1876 г., в напряженной работе — сочинении «Дневника» и его издании. В такие дни писатель, как правило, мало читал. В сентябре датированные выписки из газет обрываются 23-м числом (24, 265).

Между 7 и 9 (включительно) октября, открывая 121-ю страницу рукописи, Достоевский записал:

«О МОЛЧАЛИНЕ» (24, 272).²⁷

Это — один из пунктов первой «прикидки» плана очередного номера. Следовательно, в октябре предполагалось говорить о том самом литературном персонаже, который только что получил новое рождение в последнем сатирическом произведении Салтыкова-Щедрина. Это, думается, не случайное совпадение.

Несколько дней Молчалин продолжает будоражить мысль Достоевского.

12 или 13 октября на 122-й странице тетради записан следующий диалог:

« — Я пострадал от доноса, а вы нет.

— За это вас не только не оштрафуют, но даже в теперешнюю минуту беспорядочной подымчивости и криков: „В Сербию!“ или „За славян!“ — дадут вам же самим крест за умеренность и аккуратность. За это дают отличия, за умеренность и аккуратность!» (24, 273).²⁸

²⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 12. С. 647 (указано 20 сентября); Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1868—1884: Указатель содержания М., 1971. С. 209 (указано 21 сентября).

²⁷ Основания датировки: а) запись — хронологически первая на странице (заголовок «Важная страница» был вписан на верхнем поле позднее); б) сразу за нею находится заметка, связанная с содержанием «Русского мира» за 9 октября 1876 г.; в) на предыдущих страницах есть записи за 7 октября, отделенные от разбираемой пространной заметкой о Константинополе, которую точно датировать невозможно (она опирается на «Новое время» за 3 октября); см.: 24, 271.

²⁸ Датируется по окружающим выпискам из газет.

В конце этой миниатюры дважды повторяется название цикла Салтыкова-Щедрина, а реплика первого собеседника переключается с жалобой Молчалина 2-го на то, что на него Катков «чуть не каждый день донос в своей паскудной газете строчит!».²⁹ Второй участник диалога упоминает движение в поддержку национально-освободительной борьбы славян Балканского полуострова, что обнажает логику мысли Достоевского. В «Голосе» от 7 октября, как показывают записи этих дней, его возмутила статья публициста Г. А. Лароша «Литература и жизнь», в которой сочувственно излагалось содержание отдела «Внутреннее обозрение» октябрьской книжки «Вестника Европы». С этим журналом, выступившим месяцем ранее с призывом трезво оценить охватившее Россию массовое движение и умерить вызванные им страсти, восторги и ажиотаж, Достоевский резко полемизировал в сентябрьском «Дневнике». Ларош, разделяя мнение «Вестника Европы», которое журнал продолжал развивать и в октябре, призывал сосредоточиться на «внутреннем развитии» России и утверждал, что «полное забвение своих внутренних вопросов и интересов, исключительное увлечение внешнею политикою — признак наступающей реакции». Выразив основную идею статьи «Литература и жизнь» фразой «будем жертвовать лучше на школы», Достоевский комментировал ее в тетради: «Какая глупенькая мысль, какая маленькая мысль, прямолинейная мысль» (24, 271). Несколькими замечаниями на эту тему рассыпаны и на следующих страницах (24, 273, 275). В этом контексте и появились записи о Молчалине. В двух либеральных журналистах, проповедовавших умеренность в проявлении чувства солидарности с балканскими славянами, Достоевский увидел издателя газеты «Чего изволите?». Эту ассоциацию раскрывает и помета на полях рядом с разбираемым диалогом: «В случае „Вестник Европы“. О доносе» (24, 273, сн. 2).

16 октября (123-я страница), перечисляя разные удачные выражения и фразы, Достоевский опять вспомнил Молчалина (24, 274).³⁰ (Само выражение он записал на отдельной странице, озаглавленной «Слова и поговорки»: «Молчалин — это не подлец. Молчалин — это ведь святой. Тип трогательный».)³¹

²⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 12. С. 93.

³⁰ Датируется по окружающим выпискам из газет.

³¹ В академическом Полном собрании сочинений страница рукописи (265), на которой находится эта запись, разделена на две части: августовскую, включающую и эту запись (24, 240), и октябрьскую (24, 287—288). Полное воспроизведение страницы см.: Незданный Достоевский. С. 618. Между тем в июльско-августовском выпуске Достоевский вспоминал не Молчалина из очерков Салтыкова-Щедрина, но Чацкого (оттуда же), так что наличие на разбираемой странице октябрьской записи дает основание датировать ее целиком этим месяцем.

Наконец, на следующей странице (124), в составе первоначального варианта плана первой главы будущего, октябрьского выпуска «Дневника», находится запись, подсказанная беседой с Салтыковым-Щедриным: «ФАНТАЗИЯ. Никогда фантазия не может выдержать сравнения с действительностью. Щедрин. Это я знал» (24, 275). Страница содержит ссылку на газеты за 17 октября. План включает пункт «Мачеха», который мог быть намечен также не ранее этой даты.³² Заметка о Щедрине помещается на верхнем поле страницы, т. е. могла быть приписана и позже, но вряд ли более чем через два-три дня, поскольку после 20-го числа все записи относятся к полемике вокруг действий генерала М. Г. Черняева в Сербии (24, 278—286).

Октябрьские страницы рабочей тетради убедительно свидетельствуют о том, что новые нюансы толкования образа Молчалина Достоевский нашел в четвертой главе цикла «В среде умеренности и аккуратности», и поэтому очень вероятно, что именно о ней говорили писатели при встрече, которая в этом случае была второй и состоялась (если действительно имела место), следовательно, в октябре, причем, вероятно, до 20-го числа. Остаются неясными причины, вызвавшие необходимость повторного свидания через месяц после первого, и обстоятельства, при которых оно протекало.

Заканчивался 1876-й — начинался 1877 год. Отношения Достоевского с редакцией продолжали быть ровными и дружелюбными, и он ими дорожил. Салтыков-Щедрин отправил Достоевскому 21 декабря письмо с просьбой дать «для февральской книжки хотя небольшой рассказ». Он готов был «лично приехать просить об <...> этом», но вспомнил, что в конце месяца его адресат не имеет свободного времени.³³ Со своей стороны Достоевский не забывал обязательства написать для «Отечественных записок» повесть (в тетради есть фрагмент «Некрасову», датируемый комментаторами предположительно январем 1877 г. — 17, 11, 440), но не мог заняться ею вплотную, потому что все его время забирал «Дневник». Вместе с тем уже начинали действовать разъединяющие силы и обстоятельства. На страницах записной тетради зрела полемика с Салтыковым-Щедриным о сатире. Умирал Некрасов — и с его уходом из жизни обрывалась главная связующая нить между журналом и Достоевским, у которого более искреннего доброжелателя в редакции не было.

³² Речь идет о Е. П. Корниловой, выбросившей из окна свою малолетнюю падчерицу. Сообщение о состоявшемся суде Достоевский прочел в «Петербургской газете» № 204 за 17 октября 1876 г. (24, 276). Ср. главку «Простое, но мудреное дело» октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

³³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 19, кн. 1. С. 36.